

УДК 821.161.1"1992/..."
ББК 82.1

Е.С.Жак

ЛЮДИ И ВЕЩИ. ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

В статье поставлен вопрос о соотношении наиболее общих, устойчивых представлений о той или другой эпохе (мифов) с тем образом поколения, какой рисуется мемуаристами. Для анализа выбраны три книги воспоминаний, принадлежащих людям разных поколений. Эти произведения анализируются под определенным углом зрения: рассматривается, каково отношение их авторов к предметному миру. Такой подход позволяет рассмотреть как индивидуальные авторские черты, так и черты, свойственные определенной социальной группе данного поколения.

Ключевые слова: *мемуаристика, миф, предметная деталь, эпоха, общее и индивидуальное.*

Жак Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры отечественной литературы факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8-928-110-38-07, 8(863)246-78-88
E-mail: zh_katerina@mail.ru

В разные периоды культурно-исторического развития восприятие мемуарной прозы было различным.

Первоначально воспоминания, шедшие по разряду «документальной литературы», воспринимались преимущественно как источник сведений о том или ином историческом событии, о том или ином историческом деятеле. Главным достоинством долгое время была объективность – точнее, то, как ее понимали автор, его читатели и критики.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались появлением огромного количества мемуарной литературы. Причин тому было много: эффект конца тысячелетия, конец «прекрасной эпохи» (т.е. советского периода), снятие цензурных запретов etc. [Жак, 2006] Количество и высокое художественное качество многих «воспоминательных» текстов заставило взглянуть на это культурное явление по-новому. Вполне обоснованно многие сочинения стали восприниматься именно как сочинения, т.е. тексты, обладающие безусловными литературными достоинствами и предлагающие особый взгляд на мир. Пришло понимание, что абсолютной объективности в любом тексте быть не может, какова бы ни была интенция автора: если существует индивидуальный взгляд, «точка зрения», происходит искажение действительности. [Жак, 2007] Были поставлены вопросы о жанровой сущности мемуарных текстов, о принципах их построения, о языке...

Представляется, что сегодня следует вернуться к вопросу об от-

ношении мемуарной прозы к действительности – на новом этапе осмысления этого жанрового явления.

Очевидно, что любой текст отражает не только индивидуальные представления о мире, но и представления, свойственные какой-то социально-психологической или возрастной группе, определенному поколению, известной эпохе. Поговорка «это человек не нашего прихода / профсоюз» очень точно передает мысль о том, что, принадлежа *группе* или *поколению*, человек выражает – в том числе – общие представления.

В общественном сознании существуют общие, весьма устойчивые представления о людях определенной эпохи, определенного поколения, определенной среды, часто именуемые мифом (слово «миф» в данном случае употребляется в самом общем значении этого слова). Эти представления настолько общие, что невозможно сослаться на какой-то источник, в котором они были бы сформулированы, но они широко распространены и вполне узнаваемы. На эти представления «работают» все тексты эпохи (тексты как в прямом, так и в расширительном, структуралистском и постструктуралистском, значении этого слова). Конкретный текст – в нашем случае мемуарный – служит материалом для строительства этого мифа, но полностью не может и не должен с ним совпадать. Кажется интересным и важным сопоставить представления о какой-то одной стороне жизни в конкретном мемуарном сочинении с общими устойчивыми представлениями (мифами).

Естественно, возникает вопрос о том, как проявляются в тексте эти общие представления, *что* именно следует искать и находить исследователю. Данная работа – попытка «опробовать» один из возможных подходов.

В работе представлен только один ракурс: отношение к предметному миру. Такой угол зрения кажется весьма важным: именно отношение к вещам и идеям отличает одно поколение от другого.

Номинация вещи в художественном произведении чаще всего рассматривается как художественная деталь. Использование детали в этом случае – результат длительной работы автора над образительно-выразительными возможностями слова. Вероятно, при спонтанности словоупотребления название «вещей» может свидетельствовать и о другом – о том, какое место «вещи» занимают в сознании автора и его читателей (ведь мемуарист пишет о том, что представляется важным в прошлом не только ему, о том, что может заинтересовать еще кого-то).

Письменный текст, как кажется на первый взгляд, «по определению» не может быть спонтанным. Однако развитие техники привело к тому, что многие тексты являются устными по своей первоначальной презентации и лишь затем возникают в бумажной версии. Устный текст при издании редактируется – прежде всего стилистически; содержательная сторона ревизии не подвергается или подвергается незначительно, и это дает основание предположить, что и в письменном виде сохраняется подлинное, не искаженное конъюнктурными или художественными соображениями восприятие предметного мира. Особенно интересны в этом от-

ношении диалоги, ибо в них сталкиваются два сознания, у которых есть нечто общее.

Устные воспоминания, позднее записанные и опубликованные, получили широкое распространение; возможно, именно спонтанность реплик, естественность реакции привлекают читателей.

Для анализа были выбраны три публикации. Все они – результат «наговаривания» текста на технический носитель и последующей расшифровки. Авторы их принадлежат разным поколениям, что позволяет сравнить «вещный мир» различных эпох, частотность называния «вещей» в рассматриваемых сочинениях и – как следствие – степень вовлеченности человека в мир вещей, его отношение к этой сфере бытия.

Фильм «Подстрочник», в котором Лилианна Лунгина рассказывает о своей жизни, был несколько месяцев тому назад с восторгом воспринят зрителями. Пожилая грустная женщина говорит о том, что, с ее точки зрения, было главным в ее жизни. После успеха фильма появилась книга. [Дорман].

Александр Кабаков и Евгений Попов после смерти писателя Василия Аксенова ведут – под запись – диалог о друге, товарище по литературному цеху, любимом писателе. Разговор вызван желанием осмыслить место Аксенова в русской литературе и выразить грусть по поводу его ухода из жизни. Их беседа также позднее была опубликована. Книга так и называется – «Аксенов» [Кабаков, Попов].

Несколько лет назад два активных участника реформ 90-х гг., Альфред Кох и Игорь Свиначенко, решили вспомнить два прошедших десятилетия, подвести итог наиболее активному периоду своей жизни. Как и авторы книги «Аксенов», они, беседуя, выявляют общий взгляд на многие проблемы. Четыре тома этого диалога называются «Ящик водки»: диалог якобы ведется «под водочку». На каждый год – по бутылке. Всего – двадцать бутылок, т. е. двадцать лет [Кох, Свиначенко].

Все три книги – устные по первоначальной манифестации. Авторы принадлежат разным поколениям. Фоном для жизни Л. Лунгиной была вся история XX в. К сожалению, старшее поколение уходит, оставив очень мало записанных устных диалогов; выбор монолога для анализа в данном случае объясняется именно этим. А. Кабаков и Е. Попов принадлежат поколению, вышедшему в жизнь на рубеже шестидесятых – семидесятых годов. А. Кох и И. Свиначенко – реформаторы или сочувствующие реформам девяностых.

Традиционное представление о поколении, родившемся в первые два десятилетия двадцатого века: это были люди идеи, пренебрегавшие бытом во имя прекрасного будущего всего человечества. Воспоминания Лунгиной одновременно и подтверждают этот миф, и разрушают его.

Тех, кто хорошо помнит поколение, пережившее все войны прошлого века, не удивит, что Лунгина почти не называет вещей. Для того чтобы почувствовать пренебрежение к бытовой сфере в «Подстрочнике», нет нужды использовать, скажем, контент-анализ: в книге упоминания предметов и вещей единичны. Современному читателю это покажется стран-

ным. Как, спустя десятилетия вспоминая жизнь во Франции, не назвать те красивые и удобные вещи, которых потом уже никогда у тебя не будет и о которых мало кто помнит и мало кто знает? Но – нет, не вещи главное. Пожалуй, единственное место, в котором звучит некоторая растерянность, вызванная советской безбытностью, – рассказ о переезде в новую квартиру в Москве: видимо, слишком резок был контраст:

«Мне, конечно, это показалось немыслимо убогим; мебели почти никакой, самое необходимое – диван, письменный маленький столик у меня, у папы – большой письменный стол и тоже диван, а у мамы еще обеденный стол, четыре стула и какой-то шкаф. Вот мебель этой роскошной квартиры.» [Дорман, с. 67].

Что носили тогда, как были обставлены комнаты у других или в семье Лунгиных спустя какое-то время после приезда, какой был общественный транспорт – ничего этого мы не узнаем из книги. Зато узнаем, как учили в разных школах, какие были отношения со сверстниками и учителями, как внутренне противостояли чудовищной власти – вот что мы узнаем из искреннего рассказа автора.

Очень важно не только «подсчитать», сколько раз упоминаются те или другие предметы, но и в какой ситуации/ коннотации они называются, в какой оппозиции оказываются, чем «замещаются», т.е. какова их функция в тексте.

Внешний мир у Лунгиной неразрывно связан с миром внутренним, вещи – знаки духовной жизни: *«Томик Пастернака с надписью – все, что у меня от Жени осталось. Но образ его прошел через всю мою жизнь. Я о нем никогда не забывала. Он как-то присутствовал в моей жизни всегда. Женя, мой младший сын, назван в его честь.»* [Дорман, с. 160]. В другом месте: *«Я помню этот поезд, сперва такой веселый – начало мая, еще занимались горными лыжами, – лыжники в спортивных костюмах, веселые, загорелые. И по мере того как мы продвигались к востоку, он становился все более унылым, уже никаких лыжников, какие-то понурые люди* [Там же, с. 64]

Мир предметный «скукоживается», он замещен миром духовным.

Тесная связь с предметным миром – признак буржуазности, бездуховности, с точки зрения автора. Вот рассказывается о том, какую благополучную жизнь оставил Александр Галич, когда, отказавшись от статуса известного советского сценариста, стал диссидентствующим бардом: *«Жил он как человек состоятельный. Большая квартира, старинная мебель, фарфор. Дарил меха красавице жене и сам был замечательным красавцем. И этот красавец показался мне чересчур элегантным и чересчур снобом. <...> Тем больше было мое удивление, когда взволнованный Элька Нусинов однажды рассказал мне, что накануне слышал, как Галич пел свои песни...»* [Там же, с. 250]. Знаменательно удивление мемуариста, что «барин» имеет смелость противостоять власти!

В «Подстрочнике» Лилианна Лунгина демонстрирует весьма характерное для интеллигентных стариков конца века пренебрежение миром вещей. Психологически это вполне объяснимо: они родом из благопо-

лучного детства, но затем были «вброшены» в абсолютную безбытность, были лишены комфорта, удобных, приятных вещей. Вещи просто перестали играть в их жизни какую бы то ни было роль, они убедили себя, что главным является другое: семейные и дружеские узы, эстетические переживания, творчество... Конечно, сказанное относится отнюдь не ко всему населению той поры; речь идет прежде всего о «бывших», бывшем среднем классе, многое утратившем и потому сменившем приоритеты, об уцелевшей интеллигенции. Безбытность выходцев из низов, полностью принявших революционные лозунги, иного толка; там скорее можно ожидать идейного аскетизма, устремленности к «прекрасному будущему», созидание которого требует жертв; в жертву приносится комфорт. С другой стороны, мещанство с его ориентацией на материальное существование всегда, существовало, безусловно, и в тот период, о котором идет речь, но оно почти не высказывается в мемуарных формах.

Автор подтверждает в своих воспоминаниях миф о безбытном существовании предвоенного поколения, и в то же время уточняет его: очевидно, что в разных социальных группах истоки пренебрежительного отношения к миру вещей были различны, как и коннотации вещного мира с иными сферами человеческого существования.

Совершенно иное восприятие вещей у так называемых шестидесятников. «Мифологическое» представление о них таково. В своем ограниченном бунтарстве, в своем стремлении вернуться к «ленинским нормам» они безликости противопоставили яркость, эстетичность вещей, прежде всего одежды – или, как ни странно, намеренное ими пренебрежение. И то, и другое – проявление внутренней свободы (весьма относительной), какую декларируют и демонстрируют представители этого поколения. Наступила эпоха, когда преувеличенное внимание к одежде стало своего рода протестом: *«вот, не хочу быть как все вокруг»* [Кабаков, Попов, с. 45]. Конечно, были и другие, но авторы с иронией пишут, что даже комсомольцы, громившие стилияг, отдают дань моде: *«Комсомолец примодненный – это что такое? Так, на вид не придерешься, комсомолец; костюмчик, галстучек, причесочка... А помотришь внимательно – а причесочка-то с коком!»* [Кабаков, Попов, с. 45].

О тех, кто трепетно относился к миру вещей, нам рассказал недавно прошедший фильм «Стилияги», укрепив вполне определенное представление о поколении. А. Кабаков и Е. Попов, рассказывая о Василии Аксенове, одну из глав назвали «Стилияга Вася». Они подчеркивают: Аксенов любил красивую одежду, он был «первым литературным стилиягой». Но «тряпичником» он не был никогда: одежда для него была одним из способов самореализации, наряду с литературным творчеством. Впрочем, из «серой массы» он выделялся всегда – даже когда из Магадана приехал в сапогах и ватнике. С тем же удовольствием, с каким герой выбирал и носил удобную и красивую одежду, авторы книги описывают одежду героя, свою, своих друзей, еще раз убеждая читателя в том, что «мифологическое» утверждение «шестидесятники особое внимание уделяют одежде» совершенно справедливо: *«И сапоги мне Вася же прислал, называлась*

фирма «Билли Джеймс», эта надпись была на одежде, идешь, а на снегу отпечатывается – “Билли Джеймс”, “Билли Джеймс”, “Билли Джеймс”...» [Кабаков, Попов, с.58]

Подчеркивая, что особое внимание к своему внешнему виду свойственно не только тем, кто с гордостью называл себя стилистами, авторы сравнивают отношение к вещам других знаковых фигур – Иосифа Бродского, художника Зверева.

«Е.П.: Не в обиду Вам будет сказано, какие обиды между покойниками, говорят, что также элегантен был Бродский. Да, Бродский был элегантный человек, но по-другому.»

А.К.: У Бродского была элегантность такая, на ленинградской закуске приобретенная, элегантность нью-йоркского интеллигентного еврея.» [Кабаков, Попов, с. 65].

Главным оказывается не вещь, а элегантность облика. Даже «бомжик» Зверев, ходивший в кирзовых сапогах, носил их «стильно»: «Одаренные люди незелантными не бывают.» [Кабаков, Попов, с. 49].

Привязанность к вещам как проявление внутренней свободы – парадоксальная, но точная характеристика, безусловно, не всех шестидесятников, а тех, кто ощущал себя творческими людьми, т.е. определенной социальной группы.

Жизнь поколения реформаторов в общественном сознании еще не стала мифом – отчасти потому, что пока о нем опубликовано не так много мемуарных и прочих сочинений, а следовательно, жизнь этого поколения недостаточно отрефлектирована и эстетизирована. Но какие-то наблюдения сделать уже можно – опираясь, в частности, на имеющиеся мемуарные тексты.

Зачастую преуспевшие в ту эпоху представляются исключительно частью вещного мира, «малиновыми пиджаками». Но тексты самих представителей этого поколения говорят о другом; те, кто способны описать историю своего возвышения, а иногда и последующего падения, свидетельствуют: для поколения девяностых вещи перестали быть презираемы, но перестали быть также знаком свободы и средством создания собственного образа – плейбоя, романтического героя и пр. Образ человека этого поколения выстраивается иной: ироничный скептик, иногда циничный, иногда «упертый», стремящийся реализоваться в политике или бизнесе, обеспечив себе и семье жизнь в такой степени благополучную, чтобы не нужно было думать о куске хлеба, как во времена полуголодной молодости. Понятно, что при таком целеполагании указание на детали предметного мира будет играть другую роль. «Вещь, знай свое место», – кредо людей, родившихся в шестидесятые годы и реализовавшихся в конце восьмидесятых – начале девяностых. В книге А.Коха и И.Свинаренко кое-какие вещи называются – если с ними связаны забавные истории, повествующие о том, как хитро добывали нужное; при этом драматизм происходящего совершенно не осознается. Вот характерный диалог:

« – А в Калуге, несмотря на продовольственную программу, в продаже были яйца и копченая мойва, и плавленые сырки...»

– *Коренные калужские продукты.*

– *Водка была всякая... Это меня с точки зрения haute cuisine вполне устраивало.*» [Кох, Свиначенко, т. 1, с. 50].

Продукты питания добываются с трудом, но это повод не для грусти, а для иронии над советской реальностью и для самоиронии. В то же время при необходимости прилагаются усилия для добывания нужных вещей – самыми разными путями, в том числе противоречащими советским законам, но никаких мук совести это не вызывает: «У меня было много друзей – фарцовщиков, и поэтому я как-то уже начал к этому относиться толерантно. Хотя люди, которые постарше меня на десять – пятнадцать лет, они этого и представить не могли.» [Кох, Свиначенко, т. 1, с. 144].

Несмотря на эпатажность и названия, и текста (включающего в себя в том числе обсценную лексику), «облико морале» поколения девяностых, возникающий из свободной беседы двух его представителей, гораздо привлекательнее, чем в сознании тех, кто с распадом советской империи многое потерял, хотя авторы как будто и не пытаются казаться лучше, чем они есть на самом деле, а стараются быть искренними в своих припоминаниях и оценках – в той мере, в какой хотят себе это позволить.

Как видим, образ поколения в конкретном мемуарном тексте уже, конкретнее, иногда привлекательнее того «мифа», что существует в общественном сознании, но он или лежит в основе этого мифа, входя в него как важнейшая составляющая, или уточняет, или развенчивает его.

Литература

Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2010.

Жак Е. Образ эпохи застоя в современной мемуаристике // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: материалы междунар. науч. конф. Казань, 2007.

Жак Е. Устные рассказы как исторический источник. Письменный текст и литературный жанр // Литература в диалоге культур – 4: материалы междунар. конф. Ростов н/Д., 2006.

Кабаков А., Попов Е. Аксенов. М., 2011.

Кох А., Свиначенко И. Ящик водки: в 4 т. М., 2004.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
